

В преддверии Великой Победы я познакомилась с легендарным человеком – Эмилией Александровной Копыток, узницей шести концлагерей в годы ВОВ. Её рассказ – леденящая душу история целого поколения. Об Эмилией Александровне много писали в прессе. Вот и сейчас говорит живой свидетель преступлений против человека и человечности. Вслушаемся, чтобы помнить. «Будем говорить. Ну, вот слушайте, расскажу вам с самого начала. Сорок первый год. Война. Мне было девять лет. В городе появились чужие люди, говорили на не русском языке. Это немцы. А когда началась война, мы, дети, гуляли на улице. Бум! Бум! У нас на огороде разорвалось четыре снаряда, посыпались окна, покривилась хата. А воинская часть стояла за нынешним военкоматом. Отступают, по ним свистят пули. В одной машине разбились ящики, и конфеты сыплются. Пули свистят, снаряды летят, а мы, дети, под пулями собираем конфеты. И перед нами – бах! - упал человек. Солдатик с машины свалился: его ранило пулей. Мы подбежали. Он кровью истекает, а мы ему конфеты разворачиваем. Он говорит: «Дети, помогите мне, я такой молодой, я так хочу жить. Позовите родителей своих». Мы прибежали в хату к маме. Мама разорвала простынь, взяли одеяла, перевязали ему ноги. А взрослые все поудирали, кто в бомбоубежище, кто в погреба попрятались. А детям любопытно. Дети есть дети. Мы на одеяло его скатили, нас десять человек мальчиков и девочек и мама с нами, и мы потянули его в Первосоветскую больницу на одеяле. А он кровью истекает и просит: «Я такой молодой, я так хочу жить». Мы притащили его. А там отступление, погружают на машины и вывозят больных. Мы говорим, вот солдатик раненый. Его медсёстры на машину погрузили. И мы пошли домой. Что дальше было с этим солдатиком – я не знаю.

Когда немцы поселились в городе, стали расправляться с комсомольцами, с молодёжью. И на базарной площади в Старом городе повесили двух комсомольцев, девушку и парня. Согнали весь город смотреть на эту казнь. Неделю их не снимали. Под дулами пистолетов водили смотреть. Они уже почернели. И тогда люди встали на защиту своей Родины. И молодёжь, и старики, и дети. У меня было четыре брата. Они заимели связь с партизанами, были связные. И однажды брат сказал мне: «Малая, помоги!» Сходи, говорит, в Старо-Борисов. А по мосту через реку Березину разрешалось ходить только до пяти часов вечера, а после пяти закрывался ход, стояли патрули. Вообще не допускали, а дети как-то могли прошмыгнуть, девочки особенно. Мне одели ваточку, подшили туда донесение, и я понесла. Улица Газетная, дом номер 19. Он и теперь стоит. И я туда раз сносила, второй и попала в руки гестапо. Ну, как попала в руки гестапо, пошла моя жизнь по лагерям. Сидела здесь, в борисовской тюрьме, потом в Минске, потом Освенцим, Гросс-Роза, Равенсбрюк, Берген-Бельзен. Я видела всё: и голод, и холод, и смерть, и сжигание детей и людей взрослых, и трубы крематория, и сам крематорий – я всё видела это. Но мне так хотелось жить...» И она выжила, вот уж, действительно, «всем смертям назло», чтобы стать любимой женой и любящей матерью! Многая лета, Эмилия Александровна!

